

Богословское и религиозное образование

Протоиерей Андрей Баженов

Святоотеческое природоведение¹

Святые отцы Церкви Христовой Православной, вдохновляясь свидетельствами Священного Писания о богозданном мире, в своих творениях нередко обращались к описанию окружающего человека растительного и животного мира, видимых стихий и различных природных явлений. Окружающий человека мир представлялся им своеобразной книгой, начертанной перстом Божиим, читая которую, человек, в меру своих духовных талантов, может разуместь величайшую премудрость и силу Божию. В таком подходе к природоведению святые отцы следовали великому апостолу Павлу, который считал, что даже язычники, не имевшие Писания, слова Божия, могут через рассматривание-изучение видимого мира прийти к познанию творческого всемогущества Божия: *«Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы»* (Рим. 1, 20).

О природе как о **книге** говорится в житии преподобного Антония Великого (†356). Святой Антоний на вопрос «Как он обходится без утешения книжного?», заданный ученым человеком, пришедшим к нему в пустыню за духовным наставлением, отвечал: «Книга моя, господин философ, — вся эта сотворенная природа, и я, когда хочу, читаю в ней слова Божии».

Что стоит за словами великого подвижника? Каково содержание этой **книги**? Всякий ли желающий может читать с пониманием **книгу** природы? Как научиться языку этой **книги**?

---

¹ Статья подготовлена автором на основе его дипломной работы по завершении курса обучения в Новосибирском Свято-Макарьевском Православном Богословском Институте (2009).

Ответы на эти и множество других вопросов находим в святоотеческой литературе. В настоящей работе приводятся свидетельства из творений святителей Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, преподобного Максима Исповедника. Цитируются также работы святых отцов и учителей Русской Православной Церкви святителей Кирилла Туровского, Тихона Задонского, Иннокентия (Борисова), Игнатия (Брянчанинова), а также праведного Иоанна Кронштадтского.

Являясь важнейшими источниками церковного богословия², труды отцов и учителей Церкви содержат замечательные по красоте и новизне мысли о природе. Такие труды в высшей степени заслуживают того, чтобы их рассматривать в качестве источников природоведения (в буквальном смысле — ведения природы, глубокого ее понимания). В совокупности эти творения святых отцов можно назвать **святоотеческим природоведением**.

Суть святоотеческого природоведения кратко может быть выражена словами пасхальной песни «Воскресение Христово видевше»: *«Се бо прииде Крестом радость всему миру!»* Отсюда «христианин, — по замечательному выражению выдающегося богослова 20-го столетия **протопресвитера Александра Шмемана** († 1983), — тот, кто, куда бы он ни направил свой взор, всюду видит Христа и радуется»³. Эту спасительную радость никто не отнимет у него, потому что смерть побеждена. Христос Воскресе, и Евангелие, и природа, и душа наша — все свидетельствует:

Воистинну Воскресе Христос!

ПЕРВАЯ ДОБРОТА

Мы веруем *«во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»* (Символ веры).

В Святой Библии мы читаем: *«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош»* (Быт. 1, 1–4).

---

² О церковном богословии см. статьи: *Протоиерей Борис Пивоваров*. К истории термина «церковное богословие» // Богословский сборник. Вып. 3. Новосибирск, 2007. С. 36–47; *Он же*. О святоотеческой методике церковного богословия // Богословский сборник. Вып. 4. Новосибирск, 2008. С. 29–36.

³ *Протопресвитер А. Шмеман*. За жизнь мира. New York: Religious Books for Russia. С. 103.

Сотворив свет, Господь засвидетельствовал, что свет хорош. Читая далее повествование о миротворении, в первой главе книги Бытия мы не раз еще встречаем выражение *«И увидел Бог, что это хорошо»*. А заканчивается это священное повествование свидетельством о том, что все сотворенное — **весьма хорошо**: *«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»* (Быт. 1, 31). Выражение «хорошо весьма» более выразительно звучит по-церковнославянски — **«добра zelo»**, что является буквальным переводом с греческого *καλὰ λίαν* (калὰ лиан), то есть в высшей степени **прекрасно, превосходно!** И эта красота, эта первая доброта, есть первая очевидная истина о мире.

Мир сотворен всемогущим, всеблагим Богом. Это то, чего не заметить невозможно. Поэтому святой апостол Павел и обличает язычников в том, что они не захотели увидеть этого очевидного свидетельства о Боге: *«Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь»* (Рим. 1, 25). *Хотя то, «что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны»* (Рим. 1, 19–20).

Едиnorodный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос показал образец такого взгляда на мир, при котором за видимыми предметами и явлениями проразумевается глубокий духовный смысл. Указывая ученикам на обычные природные явления, Он открыл им и то, что не все замечают: *«Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц? Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них»* (Лк. 12, 24, 27).

Святые отцы, рассматривая творения Божии, прославляли Творца, — и бессильны были все доводы философов и ученых, которые тщились доказать, что «несть Бог».

В церковном предании есть особо поучительные истории, представляющие собой, как говорят ученые, «чистый опыт». Святая великомученица Варвара воспитывалась отцом-язычником в специальной башне, не имея возможности общаться с кем-либо кроме нянек. Она видела небо, солнце, луну и звезды, видела цветущую землю, любила наблюдать жизнь природы. Из своих наблюдений она сделала вывод о том, что должен быть единый Бог, Который сотворил все разумно и прекрасно. Святая Варвара захотела больше узнать о Боге, отражение Которого она увидела в природе, и посвятить Ему всю свою жизнь.

Сотворение мира.
 Фрагмент четырехчастной иконы.
 XIX в.

Одним из важнейших источников святоотеческого природоведения является труд **святителя Василия Великого** (†379) — знаменитые «Беседы на Шестоднев»⁴. Святитель произносил их (будучи еще пресвитером) в храме в течение Великого поста перед готовящимися ко святому Крещению. Предметом этих бесед, как пишет патролог Н. И. Сагарда, «было повествование книги Бытия о творении мира в шесть дней (Быт. 1, 1–26). <...> В беседах святитель Василий ставит своей задачей изобразить творческую Божественную силу, гармонический порядок и красоту в мире и показать, что учение философов и гностиков о миротворении — неразумные измышления и что, напротив, Моисеево повествование одно содержит Божественную истину, согласную с разумом и научными данными. <...> Преследуя цели назидания, святитель Василий поучает из природы познавать Творца, Его благость и премудрость, и постоянно предлагает нравственные наставления, сближая явления и законы природы с человеческими свойствами»⁵.

Святитель Василий Великий не ограничивается очевидными явлениями, раскрывая их духовно-нравственное содержание. Он призывает к более глубокому исследованию природы. При этом, будто обращаясь к естествоиспытателям нашего времени, он дает ценнейшие методические рекомендации. Вот несколько высказываний из разных «Бесед на Шестоднев» святителя Василия Великого.

«Когда ты видишь растения садовые или дикие, прозябающие в воде или на суше, приносящие цветы или бесцветные, в малом познавая великое, усугубляй непрестанно свое удивление и возрастай в любви к Творцу»⁶.

«Обратись с удивлением к Божией премудрости, которая так сие (мир) устроила, ибо изумление пред великими предметами не уменьшается, когда открыт способ, каким произошло что-нибудь необычайное»⁷.

«Мне желательно тверже укоренить в тебе удивление к твари, чтобы ты, где ни находишься и какой род растений ни встречаешь, всегда возобновлял в себе ясное воспоминание о Творце. <...> Одна травка или одна былинка достаточна, чтобы занять всю мысль твою рассмотрением искусства, с каким она произведена...»⁸.

---

⁴ *Святитель Василий Великий. Беседы на Шестоднев // Святитель Василий Великий. Творения. Т. 1. М., 1845. С. 1–174.*

⁵ *Сагарда Н.И. Лекции по патрологии I–IV в. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 636–637.*

⁶ *Святитель Василий Великий. Беседы на Шестоднев... С. 93.*

⁷ Там же. Беседа 1. С. 18.

⁸ Там же. Беседа 5. С. 78, 80.

«Беседы на Шестоднев» положили начало целому направлению святоотеческой письменности. Известны также «Шестодневы» святителя Амвросия Медиоланского, пресвитера Иоанна, экзарха Болгарского, праведного Иоанна Кронштадтского и другие.

Через рассматривание творений святые отцы увидели, что весь мир и каждая частичка его сотворены с любовью и заботой, каждому созданию дано все необходимое для жизни. «Целый мир, состоящий из различных частей, связал Бог каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и в единую гармонию, так что части... весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии»⁹.

Святитель Григорий Богослов (†389) в Слове 6-м говорит о мире Божием и о законах миротворения:

«Внимая гласу Божию, воззрим еще „на небо горé и на землю низу“ (Ис. 8, 22) и вникнем в законы твари. Небо, земля, море — словом, весь сей мир, сия великая и преславная книга Божия, в которой открывается самым безмолвием проповедуемый Бог, — сей мир доколе стоит твердо и в мире с самим собой, не выступая из пределов своей природы, доколе в нем ни одно существо не восстает против другого и не разрывает тех уз любви, которыми все связал Художник — Творческое Слово, доколе соответствует своему названию и подлинно есть мир (*κόσμος*)¹⁰ и красота (*κάλλος*) несравненная, доколе ничего нельзя представить себе славнее и величественнее его. Но с прекращением мира¹¹ и мир перестанет быть миром. <...>

Но когда в мире вещество возмутится само против себя и, своим смятием готова разрушение, делается неукротимым или когда Бог, в страх и наказание грешникам, нарушит несколько стройный порядок наводнением, или землетрясением, или необыкновенными дождями, или помрачением солнца, или продолжительностью какого-нибудь времени года, или извержением огня, тогда нестроение и страх разливаются на все, и среди смятения открывается, сколь благодетелен мир»¹².

---

⁹ *Святитель Василий Великий*. Беседы на Шестоднев... Беседа 2. С. 25.

¹⁰ В греческом языке слово *κόσμος* означает 'порядок, мир (вселенная), украшение, наряд'.

¹¹ В греческом тексте употреблено слово, производное от *εἰρήνη* — 'мир, покой'.

¹² *Святитель Григорий Богослов*. Слово 6. О мире, сказанное в присутствии отца после предшествовавшего молчания по случаю воссоединения монашествующих // *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Творения: В 2-х тт. Т. 1. М.: Сибирская благовонница, 2007. С. 132–133.

Трудно найти более целостное мировоззрение, нежели у святых отцов, живших в IV веке. Да, ученые догадались о существовании закона всемирного тяготения. Да, подметили экологические законы (все связано со всем!). Но как же бледно научное знание перед дивным откровением о «неразрывном союзе любви»! И если человек, например, к своему несчастью, на картине не различает цвета, то это не значит, что не было художника, который целенаправленно подбирал для картины краски. Или если у человека нет музыкального слуха, то это не значит, что симфония сложилась как-то сама собой. И для того чтобы увидеть, что узы, которыми связано все со всем — узы любви, не нужны были сложные вычисления, экологические кризисы. Нужно было совсем другое — найти в душе эту присущую ей способность воспринять истину, красоту, любовь и ответить благодарной любовью.

Читая Священное Писание, совершая богослужение, святые отцы находили, что написанное, произносимое созвучно их восприятию мира. Поэтому святоотеческие творения, взять ли «Беседы на Шестоднев» святителя Василия Великого, «Слова...» святителя Григория Богослова, проповеди святителя Иннокентия (Борисова) или труды других христианских подвижников, — это не «фантазии на тему...», а новое свидетельство о богозданном мире, новый рассказ об увиденном чудесном творении Божиим.

Эти святоотеческие свидетельства выражают единый опыт Церкви, но каждое свидетельство — со своей стороны, с точки зрения своего личного опыта. При этом поразительно то, что свидетельства эти **согласны** и друг с другом, и со Священным Писанием, и с Церковным богослужением. Это согласие не могут поколебать даже попытки некоторых современных ученых и богословов привлечь отдельные цитаты из святоотеческих книг в ходе дискуссий для доказательства своих диаметрально противоположных точек зрения, — к примеру, в ходе полемики, связанной с эволюционными учениями (происходило ли творение буквально в шесть дней или путем длительной эволюции). Обращение же непосредственно к святоотеческим творениям, помимо того что показывает, что предмет упомянутой дискуссии на самом деле не был в центре внимания святых отцов, еще более убеждает нас в дивном единомыслии подвижников благочестия, творивших в разных условиях, живших в разные времена, в разных странах.

Из русского святоотеческого наследия прекрасным примером работ по святоотеческому природоведению является «Слово о весне первое» **святителя Иннокентия (Борисова; †1857)**, архиепископа Херсонско-

го¹³, в 1997 году причисленного Русской Православной Церковью к лику святых:

«В то время как мы в наших малых и рукотворенных храмах совершаем различные богослужения и переходим от празднества к празднеству, великий и нерукотворенный храм природы также не остается без перемен: и в нем одна черед служения сменяется другою; совершаются различные торжества во славу единого и того же Господа и Владыки всяческих.

Так, смотря на теперешнее убранство природы, на всюду развивающуюся зелень, на везде рассыпающиеся цветы и сравнивая все это с прежнею наготою и мертвостью, кто не скажет, что теперь спавшая зимним сном природа как бы воспрянула от сна и, подражая Святой Церкви, начала праздновать день Воскресения!

Пройти это празднество без внимания — значило бы показать преступное равнодушие к Самому Учредителю его, Который, очевидно, есть не человек какой-либо, а Сам Всемогущий Творец природы. Ибо если и простой художник не выставит напрасно картины перед взоры всех, тем более премудрость Божья не может превращать все лицо земли, как это происходит теперь, в живую, великую и разнообразную картину, не имея в виду преподать через это урока тем, пред взоры кого она выставляется.

Не будем же невнимательны к намерениям премудрости Божьей и поспешим изыти мыслью в пространный храм природы для принятия поучения от того великолепного зрелища, которое в нем теперь совершается», — говорит святитель Иннокентий.

Он отмечает, что весна пробуждает в душе человека «много поучительных мыслей и чувств», и все эти мысли и чувства могут быть «сокращены» в три главные урока:

«Во-первых, весна приводит собою на память сотворение мира, наше первобытное состояние и наше падение; во-вторых, весна служит поучительным изображением нашего духовного обновления от греховной смерти и показывает, что нам должно для сего делать и чего избегать; в-третьих, весна предызображает собою будущее обновление всех вещей в конце мира и наше воскресение из мертвых»¹⁴.

---

¹³*Иннокентий, архиепископ Херсонский*. Слово о весне первое // Сборник проповеднических образцов (проповеди святоотеческие и церковно-отечественные): В 2-х ч. / Сост. препод. Донской Духовной Семинарии Платоном Дударевым. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1912. С. 415–421.

¹⁴Там же. С. 416.

Опираясь на святоотеческие свидетельства, протопресвитер Александр Шмеман пишет: «Мир сотворен, источник его — в Боге. Он — не сам из себя, не случайное сцепление клеточек, не абсурд. Он осмыслен, у него есть начало и есть цель, и все в нем отнесено к высшей Божественной мудрости: небо и земля, видимое и невидимое. „И увидел, что это хорошо...“ Этим исповеданием отвергается всякое упрощенное понимание мира, всякое сведение его к чистой „объективности“. Созданный Богом, мир отражает Божественную мудрость, Божественную красоту, Божественную истину. Все от Бога, все пронизано высшим смыслом — и в этом... радость, но и трагизм мира и жизни в нем»¹⁵.

СТРАШНАЯ ГРАНЬ

Почему многие люди не замечают богозданной красоты-доброты, не видят в мире **уз любви**? Причем не видят не только не желающие веровать в Бога, но порой и приходящие в храм. В святоотеческих творениях указывается на две причины. Одна из них — духовная неготовность человека.

«Книга эта [книга природы], — пишет **святитель Игнатий (Брянчанинов; † 1867)**, — постоянно открывается для тех, которые не перестают очищать себя покаянием и удалением от всякого греховного начинания... Она открывается для последователей и учеников Евангелия, для любителей славы небесной и наслаждений вечных, для любителей скромного и тихого уединения, возлюбивших уединение с тем, чтобы в нем снискать обильное познание Бога устранением из себя всего, что закрывает и удаляет от нас Бога.

Великая книга природы запечатана для читателей нечистых, омраченных грехом, поработанных греху, погруженных в наслаждения плотские, закруженных, отуманенных суетным развлечением. Напрасно по гордости своей мнят они о себе, что и они — читатели ее! Читают они в ней мертвую, вещественную букву, не прочитывают — Бога»¹⁶.

Для того чтобы созерцать тайны мира подобно святым отцам, нужно подобно им измениться, покаянием, молитвами, трудами очистить свое

---

¹⁵Протопресвитер Александр Шмеман. Воскресные беседы. М.: Паломник, 2002. С. 49–50.

¹⁶Святитель Игнатий (Брянчанинов). Размышление при захождении солнца // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 1. Аскетические опыты. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1886. С. 402.

сердце, научить свой ум любить истину: «...се бо истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси» (Пс. 50, 8).

Другая причина невидения красоты и премудрости Божией в мире — онтологическая. Мы знаем, «что... весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19). Мир в современном состоянии не есть та первозданная гармония, не есть совершенная красота, но он весьма поврежден, болен. В мире имеют место вражда, убийство, разрушение, смерть. Это обстоятельство часто настолько вопиюще, что не дает увидеть за повреждениями красоту образа, за борьбой за существование — **уз любви**. Иным даже кажется, что вражда — всеобщий закон природы, что зло сплошь и рядом побеждает, а смерть безраздельно царствует и над людьми, и над всем миром.

Для людей, «не приучивших свой ум следовать Писанию»¹⁷, трудно целостно понять наблюдаемое ими в мире. Чаще всего такие люди переходят от одной крайности к другой: или все, что наблюдается, полагают естественным и, следовательно, небезобразным; или, видя несовершенства и безобразия вокруг, считают, что все плохо. Целомудрие¹⁸ христианской веры видит и неподражаемую красоту, и мучительное страдание мира, не разрываясь между крайностями, но раскрывая единство истины.

Святой апостол Павел говорит: «Знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне» (Рим. 8, 22). «Это учение апостола Павла, — пишет **протоиерей Василий Зеньковский** († 1962), — как будто расходится с библейским повествованием о первичном светлом и радостном состоянии бытия (все было „добра зело“), но на самом деле речь идет о **двух разных этапах** в жизни мира. Начальная эпоха — райский период в жизни мира — был свободен от „рабства тлению“, был прекрасен и гармоничен, а в новую эпоху мир оказался уже больным („мучится“)¹⁹.

Чем обусловлено это различие? Является ли оно следствием закономерного развития мира? Отец Василий продолжает: «Между двумя эпохами стоит какая-то **грань** (мир, по слову апостола Павла, покорился суете не „добровольно“, то есть новый период жизни мира не был следствием его жизни, его развития — воли мира к „рабству тлению“ не было и не могло быть). Мир, каким мы его знаем теперь, есть **мир поврежденный**, в котором нет именно „естественных“ движений, но всюду слышится стон и мука, всюду царит смерть». Эту грань наука не знает и, печально, не хочет знать. «Конечно, можно признать „естественным“ и тот

---

¹⁷Святитель Василий Великий. Беседы на Шестоднев... С. 23.

¹⁸Т.е. цельная (целостная) мудрость.

¹⁹Протоиерей Василий Зеньковский. Основы христианской философии. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1992. С. 158—159.

порядок бытия, какой мы сейчас находим, то есть можно отбросить категорию „болезни“, признать, что мир пребывает именно в „естественном“ для него порядке или беспорядке. Так и поступала и поступает наука о природе; так она принимала и принимает болезненное состояние мира за его *natura pura*, за его подлинное „естество“»²⁰.

В послереволюционные годы в широком употреблении были материалистические лозунги: «Бороться с природой!», «Покорить природу!» и т.п. Если, к примеру, возводилась плотина для электростанции, то «покоряли реку»: «Покорись, Енисей!». Если корабль плыл по морю, то «творцы нового мира» «покоряли море». Полетами в космос ученые «покоряли космос». Попытка «поворачивания рек» вспять также преподносилась как триумфальное покорение природы. И все это «покорение» предвлялось атеистическим внушением, что «страх породил богов». Отсюда и вытекало безбожно-материалистическое учение о том, что теперь сил природы бояться не надо, а надо бороться с природой (как с врагом?), надо покорять природу. «Не надо ждать милостей от природы — взять их у нее наша задача», — такое внушение десятки лет наши соотечественники усваивали со школьной парты. Обернулось это «покорение» страшными экологическими и техногенными бедствиями.

Поэтому для верующего человека очевиден главный и очевидный ответ на вопрос: где же истоки экологической катастрофы? Они во грехе, то есть в греховном отношении неблагодарного Богу человека к окружающему миру. Вместо того чтобы быть садовником в богозданном мире-саду, человек стал браконьером в этом мире, который к тому же хочет считать своей собственностью.

Нас убеждают в том, что ученые открывают «объективную истину», которая якобы выше нравственных категорий — «имморальна». Нас убеждают также в том, что физические законы — фундаментальные законы, что они действуют помимо воли человека и даже независимо от его существования. Но если мир так устроен, тогда не нужна вера, не нужна молитва, не нужна нравственность. С другой стороны, современное состояние мира — с ядерным оружием, со страшными болезнями, с экологическими проблемами — через осознание трагизма происходящего в нем заставляет искать истинную причину этой трагедии. Многие ученые и мыслители приходят к пессимистическим выводам в отношении дальнейших перспектив как технического прогресса, так и всякого общественного прогресса. Однако какой смысл лишь констатировать факт неотвратимости трагедии, не показывая пути ко спасению?

---

²⁰Там же. С. 159.

Вера Церкви видит и всегда помнит эту страшную грань, которая превратила прекрасный богозданный и первозданный мир в большой, поврежденный, обезображенный — **грех человека**. *«Проклята земля в делах твоих»*, — услышал Адам от Господа после грехопадения. Грех исказил, искалечил прекрасное творение Божие. Грехом эта дивная красота, «добра зело», оказалась обречена на смерть (это умирание открывает наука и в бессилии «опускает руки»).

У святых отцов редко можно встретить пространные рассуждения о болезни и страдании природы, однако этой темы они касаются всякий раз, когда речь заходит о природе. Тема страдания природы в восприятии святых отцов выражается в том, что:

- 1) человек ответственен за состояние мира; он виновен в болезни, поврежденности мира;
- 2) природа зависит от человека и разделяет с ним и скорбь, и радость, и надежду;
- 3) природа нуждается в спасении.

«Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего», — учит апостол Павел (Рим. 8, 19–23).

Святые отцы приводят различные подтверждения этой мысли святого апостола. Вот, к примеру, размышления святителя Иннокентия Херсонского: «В самом деле, посмотрите на человека зимой — его как бы нет на лице земли: он прячется в домах, и когда появляется на свет, то трудно узнать в нем владыку земли: так он окутан с ног до головы зверями и смертями. Это не царь природы, а некое как бы страшилище всего живущего.

Приходит весна, и человек изменяется. Он уже не в самодельной темнице, заключенный в четырех стенах, а на свободе, под ясным небом, на чистом воздухе. В поле, в лесу, на водах — везде человек, как бы вновь сотворенный или умноженный. И земля, можно сказать, снова поступает в его владычество: с наступлением весны поля начинают бороздиться под его плугом, реки и моря пениться под его веслом, воздух рассекается его парусами; самые облака расступаются, чтобы дать место его воздухоплательным шарам. <...> Все живущее, даже неразумное, видимо чувству-

ет преимущество весеннего времени и выражает довольство и радость свою чем может, особенно пением.

Прислушивались ли вы когда-либо к этому пению? В нем звучит глубокое чувство жизни, довольства и какого-то священного восторга. Это радость существа, воскресшего из мертвых, которое после того как все было утрачено, вдруг получило в избытке все, что для него нужно. Какая неутомимость поющих! Какое разнообразие в песнях! Самая полночь оглашается сладкими звуками. Истинное всеночное бдение природы! В этом случае неразумный мир приближается к миру ангельскому, где чистые духи, окружая Престол Божий, день и ночь возглашают славу Вседержителя.

Кто, взирая на эти красоты природы, на радость и полное довольство тварей и слушая хоры пернатых, оглашающих собою каждую рощу и поле, не готов бывает от души и сердца повторить то, что изречено было Творцом по окончании творения: „*се вся добра зело*“ (Быт. 1, 31)! Всякий, и может быть не раз, изъявлял желание, чтобы весна продолжалась как можно дольше. Но она кратковременна, короче всех времен года, как бы в знак того, что и наше пребывание в раю не было продолжительным.

Для чего же всемогущество Божие каждый год представляет нам во время весны такое подобие сотворения мира и нашего первобытного состояния? Не для того ли, чтобы, видя перед собою повторение творческих действий всемогущей силы Божьей, мы научились благоговеть перед Тем, Который когда посылает Дух Свой, то все создается, а когда отвращает лицо Свое, то все приходит в беспорядок и готово обратиться в ничтожество? Преобразуя весною весь лик земли и, можно сказать, весь мир, нас окружающий, облакая его за несколько дней красотой и великолепием, премудрость Божия, кажется, говорит всем нам: смотрите, что Я могу сделать для вас, если вы будете того достойны! Смотрите, чего вы лишились через грех и чего можете достигнуть, освободившись от его всеразрушающего владычества!

Да, братья мои, как ни прекрасна весна, но и среди нее являются, очевидно, следы наших великих древних потерь. Напоминая собою наше первобытное состояние невинности и блаженства, она в то же время ощутительно дает знать, что все прекрасное вокруг нас есть только остаток прежних совершенств, что мы со всеми тварями и со всею природою находимся в состоянии лишения и падения. Ибо присмотритесь внимательнее к образу весны, и вы под новой одеждой и убранством природы увидите древнюю наготу, болезнь и брэнность; прислушайтесь к величественному хору тварей радующихся, и вы заметите, как нарушается он глубокими стонами тварей страждущих. Вот обширный цветущий сад;

в нем все так прекрасно, но зачем эти засохшие деревья, безобразящие собою все, что зеленеет и цветет вокруг них? Этого в раю не было. Взгляните и на самого владыку земли, как он неестественно согбен над плугом! Среди празднества природы, когда все вокруг него поет и радуется, взор его тускл, лицо уныло, крупный пот падает с чела его, а на трапезе, после таких трудов, ожидает его кусок черствого хлеба. Этого в раю не было. А что под этими цветами, которые украшают собой так роскошно этот недавний холм? Тут могила юноши, который был единственной отрадой престарелой матери и только месяц назад опущен в землю. Этого в раю не было. Тем более не было этих бесчинных кликов, которыми буйное невздержание нередко оглашает весенний воздух и силится заглушить чистый и святой хор тварей, славословящих Создателя.

Таким образом нынешняя весна, радуя собою взоры и сердца подобием первобытного совершенства, в то же время многими явлениями своими дает знать, что совершенство это нами потеряно, что мы со всею природою, нас окружающею, находимся в состоянии неестественном и что, следовательно, нам надо прилежно помыслить о том, как выйти из этого несчастного положения и возратить себе и природе ту райскую весну, которая бы, раз начавшись, никогда не оканчивалась»²¹.

Осмывая святоотеческую традицию в отношении природоведения, протопресвитер Александр Шмеман пишет: «Не случайно библейский рассказ о грехопадении сосредоточен... на пище. Человек съел запретный плод. Помимо всяких прочих толкований, плод этот отличается от всех остальных плодов в раю: он не был предложен в дар человеку. Не дарованный, не благословенный Богом, он был „пищей в себе“, а не в Боге, образом мира, любимого ради самого себя. Любить нелегко, и человек предпочел оставить любовь Божию без ответа. Человек возлюбил мир — но, опять таки, не в Боге, не как общение с Ним. И такое, прежде всего, эгоистическое отношение к миру стало постепенно чем-то само собою понимаемым. Человек стал воспринимать мир „как таковой“, ограниченный самим собою, а не пронизанный присутствием Бога. Это и есть мир, называемый в Евангелии — „миром сим“, миром собою живущим и в себе заключенным. И уже привычным стало жить, не вознося благодарение Богу за дарованный Им мир, естественной — утрата евхаристического отношения к творению Божьему»²².

К этой же теме выдающийся современный богослов обращается и в другой своей работе, отмечая: «Наше падение, наш грех — в том, что мы

---

²¹*Иннокентий, архиепископ Херсонский.* Слово о весне первое... С. 419–421.

²²*Протопресвитер А. Шмеман.* За жизнь мира... С. 13.

ко всему привыкаем, и потому все в мире, да и мы сами, становимся будничными, низменными, пустыми. Яблоко становится только яблоком. Хлеб — только хлебом. Человек — только человеком. Мы знаем их вес, наружность, функции, мы все знаем о них, но мы их уже больше не знаем, ибо не видим света, просвечивающего через все в мире. И вечное назначение веры и Церкви в том, чтобы эту греховную, унылую привычку преодолеть. Чтобы снова дать нам увидеть то, что разучились мы видеть и чего больше не видим, почувствовать то, чего не чувствуем, пережить то, что больше не в состоянии переживать»²³.

РАДОСТЬ ВСЕМУ МИРУ

Читая творения святых отцов, мы наконец подходим к самому главному в святоотеческом природоведении — к тому, что является средоточием веры Церкви, причиной непрестающей радости людей и всего творения. Святые отцы и учителя Церкви видели в природе не только первую доброту и страдание, но и намек, прообраз Пасхи — спасения, обновления мира — намек и прообраз того, что совершил Господь наш Иисус Христос, что запечатлено во Святом Евангелии и в то же время остается величайшей тайной мира.

На один из таких прообразов указал Сам Господь наш Иисус Христос накануне Своих Крестных страданий: *«Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»* (Ин. 12, 23–25).

Этот пример употребляет и святой апостол Павел в отношении всеобщего воскресения: *«Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц»* (1 Кор. 15, 35–39).

К этому же примеру в своих творениях обращаются святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский, Феодорит Кирский и другие святые отцы Церкви.

---

²³Протопресвитер А. Шмеман. Воскресные беседы... С. 277.

Святитель Иоанн Златоуст (†407) в «Беседе о воскресении мертвых» пишет: «И не говори мне: как тело может опять восстать и сделаться нетленным? Когда действует сила Божия, то **как** — не должно иметь места. Но что я говорю о Боге? Он устроил, что сам ты совершаешь воскресение, то в семенах, то в искусствах, то в металлических веществах. Так семена, если наперед не умрут, не сгниют и не истлеют, то не произрастают колоса. Таким образом как там, смотря на гниющее и разлагающееся зерно, ты не сомневаешься в его восстании, но считаешь это яснейшим для себя доказательством, потому что, если бы оно не сделалось гниющим и тлеющим, то никогда не восстало бы, так рассуждай и о своем теле: когда видишь тление, тогда особенно и любомудрствуй о воскресении. Смерть, действительно, есть не что иное, как совершенное уничтожение тления, потому что смерть разрушает не просто тело, но тленность его»²⁴.

Святитель Григорий Нисский († после 394) образ пшеничного зерна изъясняет в «Слове на Святую Пасху»: «Рассмотрим пример пшеницы, которым святой апостол поучает безумных, говоря: *„безумне, ты еже сееши, не тело будущее сееши, но голо зерно, аще случится, пшеницы или иного от прочих (семян): Бог же дает ему тело, якоже восхощет“* (1 Кор. 15, 36–38). Вникнем внимательно в произрастание пшеницы, дабы, елико возможно, уразуметь учение о воскресении. Посеянное в землю пшеничное зерно, сгнивши и, так сказать, умерши, превращается в некое млековидное вещество, которое, несколько оплотнев, делается остроконечным белым волоконцем: выросши настолько, чтобы проникнуть землю, оно из белого мало-помалу делается зеленым, затем, ставши травой и дав достаточно отпрысков, распространяет внизу разветвленный корень, приготовляя подпоры для будущей тяжести. И как на корабле мачты со всех сторон прикрепляются множеством канатов, дабы они стояли твердо, так веревковидные разветвления корня служат скреплениями и подпорами колосьев. После того как пшеница вытянется в стебель, Бог укрепляет его ствол коленцами и узлами, делая его чрез то способным к сдержанию тяжести колоса; в самом колосе сперва уготовляются в стройном порядке гнездышки для каждого из зародившихся зерен, потом выходят длинные концы колючие (между прочим для того, чтобы защитить зерна от хищности птиц).

Вот сколько чудес заключено в одном сгнившем зерне! Павши на землю одно, в каком числе зерен оно воскресает?! Человек же с воскре-

---

²⁴*Святитель Иоанн Златоуст. Беседа о воскресении мертвых // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 478.*

сением не получает ничего большего: снова принимает то, что имел, и по-сему наше будущее обновление представляется более удобопонятным, чем в земледелии произрастание пшеницы. От зерна пшеничного перейди к размышлению о деревьях. Зима для них не то же ли, что для нас смерть? В эту пору ежегодно плоды опадают, листья осыпаются, а деревья стоят обнаженными и лишенными всякой красоты. Но приходит весна, и деревья покрываются цветом и листьями и представляют столь красивое и приятное зрелище, что заставляют самих людей переселяться под их тень и покидать свои чертоги»²⁵.

Имея Бога в разуме (Рим. 1, 28), святые отцы видели многочисленные прообразы Пасхи, Воскресения Христова, воскресения и спасения рода человеческого, обновления всего мира. Кроме зерна это и пример бабочки, рождающейся из куколки; восстановление здоровья после болезни и другие образы.

Великолепный прообраз Пасхи — весна.

В течение Великого Поста Святая Церковь постоянно вспоминает весну как прообраз нашего духовного возрождения. Среди праздничных пасхальных дней есть даже особый в этом отношении день — Неделя 2-я по Пасхе (Неделя Обновления). В каноне праздника поется: *«Царица времен [весна] веселит избранныя люди церковныя»* (1-я песнь канона, 2-й тропарь). *«Днесь весна благоухает и новая тварь ликует»* (ексапостиларий) и т.д. Синаксарий добавляет: *«Указывая на происходящее на глазах у всех весной обновление природы после зимнего сна, под влиянием животворных лучей солнца, служба в Неделю Фомину [первый воскресный день после Пасхи] приглашает и влечет верующих последовать примеру природы: пробудиться от сна греховного, обратиться к Солнцу Правды — Христу, поставить наши души прямо пред Господом, под Его благодатные живые лучи и вместе с Фомой искренно, радостно воскликнуть: „Господь мой и Бог мой!“ Поэтому Неделя Фомина именуется Неделей Обновления»*²⁶.

Известно достаточно много слов, сказанных в этот праздник замечательными проповедниками.

Так, **святитель Григорий Богослов** в Слове 44-м на Неделю Новую, на весну и на память мученика Маманта говорит: «Древен и с доброй це-

---

²⁵Святитель Григорий Нисский. Слово на Святую Пасху (о Воскресении) // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1897. № 9. С. 15–16.

²⁶Текст Синаксаря в переложении на русский язык см.: Богослужебные указания на 1950 год для священно-церковнослужителей. Изд. Московской Патриархии, 1949.

лью установлен закон чтить день Обновления, лучше же сказать, с днем Обновления чтить новые благодеяния, и чтить не однажды, но многократно, всякий раз как с новым обращением года возвращается тот же день, дабы дарованное благо со временем не изгладилось из памяти и не исчезло, потерявшись в глубине забвения»²⁷.

После глубокомысленных слов об обновлении мира через Воскресение Христова святитель Григорий Богослов переходит к учению об обновлении природы — творения Божия. Это один из прекраснейший образцов святоотеческого природоведения:

«Но перейдем уже и к тому, чтобы воспрядновать прилично времени. Ибо все прекрасно стекается к торжеству и сорадуется. Смотри, каково видимое! Царица годовых времен исходит во сретение царице дней и приносит от себя в дар все, что есть прекраснейшего и приятнейшего. Ныне небо прозрачно, ныне солнце выше и златовиднее, ныне круг луны светлее и сонм звезд чище. Ныне вступают в примирение волны с берегами, облака с солнцем, ветры с воздухом, земля с растениями, растения со взорами. Ныне источники струятся прозрачные, ныне реки текут обильнее, разрешившись от зимних уз; луг благоухает, растение цветет, трава посекается и агнцы скачут на злчных полях. Уже корабль выводится из пристани с восклицаниями, притом большею частью благоугодными, и окрыляется парусом; дельфин, с возможным удовольствием переводя дыхание и поднимаясь наверх, играет около корабля и неутомимо сопровождает пловцов. Уже земледелец водружает в землю плуг, возводя взор горé и призывая на помощь Подателя плодов; уже ведет он под ярмо вола — оратая, нарезывает пышную борозду и веселится надеждами. Уже пасущие овец и волов настраивают свирели, наигрывают пастушескую песнь и встречают весну под деревьями и на утесах; уже садовник ухаживает за деревьями; птицелов заготавливает клетки, осматривает лучки, замечает полет птиц; рыболов всматривается в глубины, очищает сети и сидит на камнях. Уже трудолюбивая пчела, расправив крылья и оставив улей, показывает свою мудрость, летает по лугам, собирает добычу с цветов, и иная обделывает соты, переплетая шестиугольные и одна на другую опрокинутые чашечки и, смыкая их попеременно, то прямо, то под углом, вместе для красоты и для прочности; а иная складывает мед в сии хранилища и возделывает для пришлого гостя сладкий и без плуга возвращенный плод. О если бы поступили так и мы, Христос Пчельник, мы — имеющие перед собою такой образец мудрости и трудолюбия! Уже птица вьет себе гнездо: одна прилетает в него временно, другая живет в нем

---

²⁷*Святитель Григорий Богослов. Творения: В 2-х тт. Т. 1. Слово 44. М.: Сибирская благовонница, 2007. С. 553.*

постоянно, а иная летает вокруг, оглашает лес и как бы разговаривает с человеком. Все воспевает Бога и славит Его бессловесными гласами. И чрез меня за все приносится благодарение Богу. Таким образом хвалебная их песнь делается моею, от них и я беру повод к песнословию. Ибо ныне выражает радость свою все живущее, и у нас наслаждается всякое чувство».

Заканчивается это слово Святителя надеждой на обновление в жизни будущего века: «Скажу еще короче: ныне весна естественная, весна духовная, весна для душ, весна для тел, весна видимая, весна невидимая; и о если бы мы сподобились ее там, прекрасно изменившись здесь и обновленными прейдя в новую жизнь, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому всякая слава и честь и держава со Святым Духом, во славу Бога Отца. Аминь!»²⁸.

Об этом же говорит **святитель Кирилл Туровский** († ок. 1182/83) в Слове в Неделю Обновления:

«Сегодня окончилось все ветхое и все обновилось, видимый мир и невидимый. Ныне небеса просветились, избавившись от темных облаков, как от ветхой одежды, и светлым воздухом славу Господню исповедуют. Не об этом видимом небе говорю, но об умном [мысленном] небе. Апостолы, которые сегодня на Сионе, взойдя на мысленное небо, познали Господа и, забыв всю печаль и скорбь, и отвергнув иудейский страх, и осенившись Духом Святым, Воскресение Христово ясно проповедуют. Ныне солнце, красуясь, восходит к высоте и, радуясь, согревает землю, потому что возшло для нас Солнце Правды — из гроба Христос — и всех верующих в него спасает. Ныне луна, уступив верховенство, большому светилу честь воздаст. Ныне зима греховная закончилась через покаяние, и лед неверия растаял через богоразумие. Зима языческого кумиролужения апостольским учением и христианской верой прекратилась. Лед же Фомина неверия растаял, когда показал Христос ребра Свои. Сегодня весна красуется, оживляя земную природу. И буйные ветры, тихо повевая, (умножают) плоды; и земля, питая семена, рождает зеленую траву. Так и весна красная — вера Христова — через Крещение возрождает человеческое естество. Бурные же ветры — греховные помыслы, которые покаянием претворились в добродетель, произращают душеполезные плоды. Земля же естества нашего, как семя восприняв слово Божие, со страхом и трепетом рождает дух спасения. Ныне новорожденные агнцы [ягнята] и юнцы [волы] быстро скачут и, возвращаясь скоро к матерям, веселятся; и пастухи, играя на свирелях, с весельем Христа хвалят. Под агнцами разумеем кротких

---

²⁸Там же. С. 557–558.

людей из язычников. А под юнцами — кумирслужителей неверных стран, которые вочеловечением Христа, апостольским учением и чудесами восприняли Закон, и ко Христовой Церкви обратившись, сосут молоко учения, о всех молятся, Христа Бога славят, собравшего воедино стадо и волков, и агнцев. Ныне деревья выпускают побеги и благоуханными цветами украшаются, и вот уже сады сладкий аромат издают и для труженика, работающего с надеждой, призывают Плододавца Христа. И мы были подобны деревьям дубравным, не имеющим плода. Ныне же проросла Христова вера в нашем неверии. И утверждающиеся на Корне Иессеевом и расцветающие добродетелями, как цветами, ожидают ради Христа райского нового бытия. Да и святители и игумены, о Церкви Христовой заботящиеся, ожидают награды от Христа. Ныне возделыватели слова, впрягая в ярмо словесных юнцов, и крестный плуг в мысленные борозды углубляя, и взрыхляя борозду покаяния, и семя духовное всевая, надеждой будущих благ веселятся. Сегодня все ветхое окончилось, так как все обновилось благодаря Воскресению. Ныне реки апостольские наводняются и языческие рыбы выводят потомство, и рыбаки, испытав глубину Божия вочеловечения, вынимают полную церковную сеть улова. Ибо пророк сказал, что реками разрушится земля, и увидят и (разболятся) люди нечестивые. Ныне монашеского образа трудолюбивая пчела всех удивляет, показывая свою мудрость. Как монахи-пустынники, питаясь скудной пустынной пищей, удивляют ангелов и людей, так и пчелы, летая на цветы, сотворяют медовые соты, чтобы подарить людям сладость и Церкви потребное. Ныне все доброгласные птицы церковных хоров, устраивая гнезда, веселятся. Ибо пророк сказал: *„Птица обрете гнездо себе, олтари Твоя, Господи Боже сил“*. Птицы — церковные чины: епископы, священники, игумены, дьяконы, дьяки — каждый своей песней, не умолкая, славят Господа. Сегодня обновились, принимая новую жизнь во Христе, все чины святых. Пророки и патриархи, потрудившись, почивают в райской жизни. Апостолы со святителями, пострадав, прославляются на небе и на земле. Мученики и исповедники, претерпевшие страдания за Христа, с ангелами принимают венцы. Цари и князья благоверные, вняв святым книгам, спасаются. Сонмы девственников и иноков, понеся в терпении свой крест, за Первенцем Христом следуют от земли на небо. Постники и пустынники, получив от Господа награду за труды, в Горнем Граде со святыми веселятся»²⁹.

О весне как прообразе воскресения писал в связи с Пасхой и **святитель Тихон Задонский** († 1783): «Весна есть образ и знамение воскресения мертвых. Что во время весны делается, то будет и в воскресение мертвых, как видим в Святом Писании и веруем. Во время весны вся под-

---

²⁹Златоуст (сборник проповедей). 1887.

небесная тварь обновляется: тако во время воскресения все обновится, по неложному Божию обещанию. „*Се нова вся творю*“, — глаголет Господь (Апок. 21, 5). „*Будет небо ново и земля нова*“ (Ис. 65, 17). „*Нова же небесе и новы земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живет*“ (2 Пет. 3, 13). Во время весны вся тварь, как видим, оживляется: тако в воскресение мертвых все человеческое естество оживится. Во время весны всякая трава и зелие исходит из недр земли и является в своем виде: тако в последний день умершии человеки изыдут из гробов своих и явятся всяк в своем образе. „*Яко грядет час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотвориши благая в воскресение живота, а сотвориши злая в воскресение суда*“ (Ин. 5, 28–29). В зиме деревья и травы показываются аки изсохшии, но во время весны живость их покажется. Тако умершия не ведущим воскресения мертвых показываются как бы погибши, но нас вера святая научает, что живот их явится в последний день»³⁰.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в этюде «Сад во время зимы» пишет: «Однажды сидел я и глядел пристально на сад. Внезапно упала завеса с очей души моей: пред ними открылась книга природы. Эта книга, данная для чтения первозданному Адаму, книга, содержащая в себе слова Духа, подобно Божественному Писанию. Какое же учение прочитал я в саду? — Учение о воскресении мертвых, учение сильное, учение изображением действия, подобного воскресению. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весною, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным. Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его! Гляжу на обнаженные сучья деревьев, и они с убедительностью говорят мне своим таинственным языком: „Мы оживем, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся цветами и плодами — неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны своей?“»³¹.

Замечательные слова о весне есть у **святителя Иннокентия (Борисова)**:

«Так, смотря на теперешнее убранство природы, на всюду развивающуюся зелень, на везде рассыпающиеся цветы и сравнивая все это с прежнею наготою и мертвостью, кто не скажет, что теперь спавшая зимним сном природа как бы воспрянула от сна и, подражая святой Церкви, начала праздновать день Воскресения!»³².

---

³⁰Святитель Тихон Задонский. Весна // Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. М.: Синодальная тип., 1889. С. 135.

³¹Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 1... С. 177.

³²Иннокентий, архиепископ Херсонский. Слово о весне первое... С. 416.

«Истину всеобщего воскресения подтверждает ныне вся природа. Видите ли красу и веселие ее, светлый лик, дивное убранство всего растительного царства? То немая, но убедительнейшая проповедь об общем воскресении и состоянии по воскресении. Обновляясь всякое лето и, следовательно, несколько раз в жизни человека, видимая природа невольно приводит нас к мысли, что истина, которая скрывается под ее перерождением, весьма важна для нас и требует быть замеченною всеми. И в самом деле, что было бы с нами среди мрачных картин смерти и тления, скорбей и лишений, слез и болезней, если бы Господь не говорил видимо нам, что будет время, когда всему нынешнему, нередко возмущающему душу порядку вещей, положится конец, что за пределами смерти, как вслед за зимою, откроется другая, светлая картина, где избавлены будут праведные от скорбей их, где свет и теплота Солнца Правды озарит, согреет, оживотворит все, что удостоится быть в круге действий Его. Со стоном и воплями провожаем мы и ныне родных и любезных сердцу своему; но какое слово изобразит весь ужас отчаяния, когда бы нам не дано было уверительного знамения, что эти лишения только временны, что, разлучаясь с тем, что так дорого для нас теперь, мы увидимся в другой, лучшей жизни, встретимся, как встречаются путники-одноземцы, долго не видевшие друг друга? Кто не поймет после сего важности истины воскресения? Она пред глазами нашими в воскресении природы.

Что предшествовало настоящему роскошному убранству ее? — Холод, оцепенявший жизнь, обнаженные деревья и поля, продолжительные ночи, едва уступавшие несколько часов дню. Отчего же теперь перед глазами нашими такая необычайная перемена? Сокрытые в корнях жизненные соки выступили из своих тайников и, устремившись к ветвям, облекли их в одежду зелени и цветов, — объясняет естествоиспытатель. Соглашаемся с ним и приглашаем христианина перенестись мыслью от видимого, настоящего, к невидимому, обещанному в будущем. Отраднa для чувства краса весенней природы. Не более ли отраднa будет весна жизни нашей в царстве славы, в пакибытии всего человечества и всей природы? *„Коль многое множество благости Твоя, Господи, юже скрыл еси боящимся Тебе, соделал еси уповающим на Тя пред сыны человеческими!“* — восклицал псалмопевец, испытавши не раз в жизни, как щедрa бывает десница Божия. Как не повторить теперь восклицания его, видя пред собою бесчисленные дары благости Божией, бывшие сокрытыми под зимним покровом! Не так ли, — справедливо может рассуждать благочестивый христианин, — и жизнь моя, скудная радостями, расцветает весельем при общем всех обновлении? Не так ли мои труды и подвиги, как соки в корне, сокрытые ныне в тайне моего смирения, нужд и скорбей, разовьются под животворным светом Божиим в роскошное облаче-

ние, которым покроеется душа моя и, как богато убранная невеста, предстанет жениху своему Господу Иисусу в радости и веселии нескончаемом? <...> Так, христианин, не напрасно Господь ежегодно совершает пред глазами нашими великое таинство перерождения природы. Как бы раскрывавшая дотоле сжатую десницу Свою, Господь испещряет все лицо земли бесчисленными дарами благодати Своей и, мнится, так говорит нам голосом всей природы: помнишь ли, что было вокруг тебя зимой, и видишь ли, что теперь пред глазами твоими? Если же благодать и всемогущество Мое сделали столько прекрасного и великого для неразумной твари, наградили ее зимние лишения и оскудение сил богатством, поражающим тебя на каждом шагу, то чего не сделаю для тебя, возлюбленнейшее из созданий Моих? Земная, временная жизнь твоя — зима, за которою последует весна. Терпеливо ожидай, как ожидает неразумная тварь, и береги жизненные соки души твоей в тайне смирения. Придет время — Я вызову их наружу, разовью и разукрашу ими твою душу пред лицом неба и земли, возвеселю и прославлю тебя радостью и славою, коим не будет конца. Терпишь ли голод и холод, не скорби: смотря на весну природы, помни, что в доме Отца Небесного уготован и для тебя брачный пир, коим вознаграждаются все лишения твои.

Но не для всех радостна и весна природы; не для всех будет отрадна и весна мира и человечества. Веселится и красуется жизнью во время весны только то, что сберегло свои соки в зимнюю пору, что сохранилось от повреждения.

Чахлое дерево, как и чахлый человек, напротив, только теперь обнаруживает всю силу своего повреждения. Не то же ли будет и в общем всех Воскресение? Возвеселится жизнью будущего века, разукрасится небесным убранством только та душа, которая принесет с собою запас неиспорченных сил, мыслей и чувств, не отравленных ядом страстей, не замороженных неверием. А поврежденной душе невера и упорного грешника лучше не являться туда. Замечали ль вы тяжкую скорбь на лицах изнуренных неизлечимою болезнью при виде обновляющейся природы? Им грустно, что вокруг них веселье и жизнь, а в груди тоска и смерть. Вот живое изображение состояния душ грешных в общем воскресении! Не радостно! Будем врачеваться заблаговременно покаянием: иначе придет весна, и горе нам, если встретим ее с смертельным внутренним недугом...»³³.

---

³³Весна есть образ нашего воскресения и состояния по воскресении // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1892. № 21. С. 764—765. (Без автора, предположительно — святитель Иннокентий (Борисов)).

«Между воскресением природы и Воскресением Господа связь не времени только, а самого дела. Природа воскресает теперь временно, потому что воскрес ныне Воскреситель ее, и потому же самому воскреснет некогда вечно»³⁴.

«ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК, ЯКО ПОМНИШИ ЕГО?»

В современной естественнонаучной картине мира фундаментальными считаются физические законы. Причем, например, в книге В.Р.Ильченко «Формирование естественнонаучного миропонимания школьников» настойчиво проводится мысль о том, что формирование естественнонаучного миропонимания должно обуславливать «глубокое усвоение всеми учащимися базисных знаний о природе, создание у них убеждений в тотальности действия фундаментальных законов природы»³⁵.

Откуда такая постановка вопроса? На чем основываются убеждения в «тотальности» фундаментальных (под которыми подразумеваются физические) законов природы? Очевидно на другом убеждении этого автора — в том, что «от них зависят человеческие дела и судьбы», т.к. «человек — частица природы». Это определенная философия, материалистическое мировоззрение, и «научности» и «объективности» в нем не больше, чем в любом другом вероучении. Получается, по сути, не картина (модель) природы, выводимая путем логически безупречных обобщений из совокупности известных и доступных естественным наукам знаний, как это представляется детям³⁶, а некая мировоззренческая концепция природы, иллюстрированная определенным образом выстроенными законами, теориями, аксиомами и фактами. И в эту плоскую схему педагогически-материалисты тщетно пытаются втиснуть нравственные ценности.

В такой схеме некоторые существенные вопросы не только не имеют ответов, но даже не формулируются. Например: в чем смысл жизни человека в мире? Может быть, игнорирование этих фундаментальных вопросов и было причиной того, что среди научных «достижений» человечества оказались и оружие массового уничтожения, и синтетические наркотики, и дарвиновская теория эволюции.

---

³⁴Инокентий, архиепископ Херсонский. Радость праздника и приятность весны. Поучение на Св. Пасху // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1888. № 17—18. С. 482—484.

³⁵Ильченко В.Р. Формирование естественнонаучного миропонимания школьников: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1993. С. 19.

³⁶Там же. С. 12.

Пасхальная же вера, неразрывно связанная с духовно-нравственными законами, рассматривает человека в его отношении к Богу и к миру во всей онтологии и истории. Протопресвитер Александр Шмеман, обобщая опыт святых отцов, пишет: «...на последней глубине своей вся христианская вера обращена к Троиственному Богу, есть знание Бога в Его Троиединстве, этим же знанием знает она и созданную Им тварную жизнь, знает ее в ее первозданности, знает в падении, знает в спасении. Это, во-первых, знание и опыт творения, то есть Богом созданной и дарованной жизни как единства с Богом и в Нем, только в Нем, со всем творением, всей жизнью. Это, во-вторых, знание и опыт падения, то есть самой сущности зла и греха как разделения — отделения от Бога и потому распада и разложения самой жизни, торжества в ней смерти. И это, наконец, знание и опыт спасения как восстановленного единства с Богом и в Нем — со всем творением, в единстве же этом — сущности новой и вечной жизни, грядущего в силе, но уже дарованного, уже предвосхищаемого Царства Божия: „*Да будут едино якоже и Мы*“ (Ин. 17, 22)»³⁷.

Преподобный Максим Исповедник (†662) сказал: «Познавший Таинства Креста и Гроба (из которого воскрес Христос. — *прот. А.Б.*) познает и цель, ради которой Бог первоначально привел все в бытие» (главы о Богословии и Домостроительстве воплощения Сына Божия, Сотница первая, гл. 66)³⁸. Крест и Воскресение Христово, Пасха, Новая Жизнь, Литургия — без этого невозможно понять самого главного для нас в природоведении: в чем смысл жизни человека в мире? «*Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?*» — с удивлением и трепетом вопрошает псалмопевец (Пс. 8, 5).

Современная наука всецело помещает человека в «мир сей», называя его *homo sapiens* из отряда обезьян. С другой стороны, понимая своеобразие человека, ученые и философы пытаются увидеть в человеке то, что отличает его от всего мира. Церковь же видит в человеке венец творения, образ Божий. «Благословлять Бога, благодарить Его, видеть мир таким, каким видит его Бог, быть „соратником“ Бога и в этом благодарении и приятии познавать мир, называть его, распознавать сущность его как „алкания и жажды“ Бога — таковы те свойства человека, которые и отличают его от всей прочей твари. *Homo sapiens* — да, *Homo faber* — да, но, прежде всего, — *Homo Adorans*, человек, способный благодарить,

---

³⁷Протопресвитер Александр Шмеман. Евхаристия. 2-е изд. М., 1992. С. 181.

³⁸Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты / Пер. с древнегреч., вступит. статья и коммент. А.И. Сидорова. М.: Мартис, 1993. С. 226.

славословить и понимать...», — пишет протопресвитер Александр Шмеман³⁹.

«Благослови, душе моя, Господа... вся Премудростию сотворил еси!..», — поет Церковь (Пс. 103, 1, 24). Не только сам человек славословит Господа, но как царь творения призывает и всех своих слуг благословить, петь и превозносить Его во веки: *«Благословите, солнце и луна, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите, звезды небесные, Господа, пойте и превозносите Его во веки... Благословите Господа, все произрастания на земле, пойте и превозносите Его во веки... Благословите, все птицы небесные, Господа, пойте и превозносите Его во веки»* (Дан. 3, 62–63, 76, 80) — это молитвословие поется в канонах на 8-й песни, читается на пятнадцатой (самой торжественной) пасхальной паремии.

«Но не только царем твари создан человек, а и священником. Будучи средоточием мироздания, человек объединяет его в акте благословения, получая мир и одновременно принося его Богу. И совершая это благодарение, эту Евхаристию, он претворяет свою жизнь — ту, которую в „пище“ принимает от мира — в жизнь в Боге, в причастие Божественному бытию. Мир был сотворен как материя одной всеобъемлющей Евхаристии, а человек — как священник, совершающий это космическое таинство...»⁴⁰.

* * *

Святоотеческое природоведение — это дивная сокровищница христианского мировоззрения, которое создало предпосылки для развития естествознания, и ценность его нисколько не уменьшается с развитием научного знания. Более того, необходимость в святоотеческом природоведении с углублением глобальных проблем и в дальнейшем будет только возрастать.

То, что можно прочесть у святых отцов о природе, в высшей степени поэтично и прекрасно. «Ныне небо прозрачно, ныне солнце выше и златовиднее, ныне круг луны светлее и сонм звезд чище. Ныне вступают в примирение волны с берегами, облака с солнцем, ветры с воздухом, земля с растениями, растения со взорами...», — пишет святитель Григорий Богослов в Слове 44-м.

---

³⁹Протопресвитер Александр Шмеман. За жизнь мира... С. 12.

⁴⁰Там же. С. 12.

Но это не просто поэзия, не только лишь красивые слова, образы и сравнения, это — истина. Человек, привыкший думать, что существует только то, что он знает как научный факт, в святоотеческих творениях мало найдет *привычно научного*. Особенно трудно понять материалистически мыслящему человеку — как можно верить в чудо? В Евангелии совершенно просто рассказывается о том, как Иисус Христос исцелил парализованного, слепорожденного, прокаженных, насытил пять тысяч человек пятью хлебами, воскресил четверодневного Лазаря, наконец, Сам воскрес из мертвых. Разве это — мифы, выдумки?

Для христианина чудо — это тайна, откровение. Через наглядное чудо нам открывается мудрость устройства мира. Через чудесное исцеление проявляется таинственность всякого восстановления здоровья — врачами, лекарствами, травами. Через насыщение пяти тысяч пятью хлебами становится более доступным и чудо постоянного насыщения всего живого: *„Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его... дает пищу всякой плоти“* (Пс. 135, 1, 25). Современный миссионер протоиерей Михаил Олекса (он трудится на Аляске) замечательно сказал: «Сын (Божий) делает то же, что, как Он видит, делает Его Отец, но в меньшем масштабе и с большей скоростью, и неожиданно элемент чуда становится очевидным. Это то же самое Слово Божие делается явным, и чудо насыщения тысяч обретет свое полное воздействие, когда мы сможем постоянно узнавать его в чуде космоса, Слово, написанное такими большими буквами, что мы не смогли прочитать послание ранее»⁴¹.

Воскресение Христово — самое чудесное чудо, которое пробуждает в сердце угасшую радость вечной жизни, рассеивает унылый материалистический туман, открывает истину и дарит спасение: ***«Воскресения день, просветимся, люди! Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе, победную поющия»*** (Ирмос 1-й песни канона Пасхи).

В Священном Писании и в житиях святых описываются удивительные случаи. Голодные хищные звери не обидели святую мученицу Татиану, как не тронули львы пророка Даниила во рву. Звери забывали о своих хищных инстинктах и кротко с великим послушанием служили святым подвижникам: преподобному Герасиму Иорданскому служил лев, а преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому служили медведи. Все это проявления новой жизни, того благодатного преображения, к которому все мы призваны.

---

⁴¹Михаил Олекса, протоиерей. Евангелизм и культура // Миссионерское обозрение. 1996. № 1. С. 7.

В дополнение ко всему вышеизложенному можно сказать, что для природоведения у святых отцов интересны не только сами идеи. Идеи эти включены в контекст церковного Богослужения и молитвословий, следовательно, они имеют общепедагогическое обеспечение, позволяющее усвоить их.

Можно было бы еще больше приводить замечательных по своей красоте и душеполезности слов святых отцов. Ограничимся тем, что в завершение приведем слова **святого праведного Иоанна Кронштадтского** († 1908):

«Пришло время, братья, побеседовать нам о сотворении видимого мира, на который мы ежедневно смотрим и который от привычки так мало ценим. Да, мы ко всему и в мире Божием присмотрелись, как дома — к своим домашним принадлежностям. А между тем этот мир есть чудесное творение Божие: в нем везде видна бесконечная премудрость и присносущная сила Творца; в нем все так прекрасно, величественно и так благоговорно для живых тварей, что святые отцы при рассматривании его не находили слов достаточно восхвалить премудрость, благость и всемогущество Творца, описать великолепие и красоту мира. И точно, братья, из рассматривания мира ясно видны для всякого ученого и неученого — всемогущество, благость и премудрость Божия: *„от величества бо красоты созданий сравнительно Рододелатель их познавается“* (Прем. 13, 5), — говорит Священное Писание.

Но для чего нам нужно знать, как, откуда и для чего явился мир? — Для того чтобы, узнавши происхождение его (со всем, что в нем есть) от Всеблаготворца, и намерение, с каким Он все создал, — благоговеть пред Творцом, знать цену вещам и с благодарностью пользоваться всем, что имеем и что окружает нас; чтобы, узнавши, что такое весь видимый мир со всеми его принадлежностями, со всем его временем, как он преходящ, — не привязываться сердцем к этой скоротечной жизни и ее благам, а от видимого, изменяющегося, преходящего мира восходить к невидимому, неизменному и вечному Царству Небесному, к которому нам назначено здесь приготовиться»⁴².

---

⁴²Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Т. 1. Репринт с изд. 1893. СПб.: Издательство Л. С. Яковлевой, 1993. С. 43–44.